

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
ВВЕДЕНИЕ	
Непрошедшее время	II
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Память или забвение?	21
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Зубы дракона.....	48
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
«Сломлено глухое и долгое молчание»	88
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
Правда о Холокосте, правда о войне	146
ГЛАВА ПЯТАЯ	
«Спор историков»: причины и последствия.....	176
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
Германия, quo vadis?	250
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
«Я хочу знать всю правду»	280
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
В начале нового столетия.....	340
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
От «преодоления прошлого» к «культуре памяти».....	400
ПРИМЕЧАНИЯ	413

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга впервые увидела свет в конце 2014 г. и не только подвела итог большому отрезку исследований доктора исторических наук, профессора Липецкого государственного педагогического университета Александра Борозняка, но и стала его последним словом, обращенным к читателю: 21 декабря 2015 г. Александр Иванович ушел из жизни.

Формула «преодоление прошлого» появилась в Германии более 60 лет назад и для нескольких поколений немцев стала знаком трудного, противоречивого, но необходимого извлечения уроков из истории Третьего рейха. «Преодоление прошлого» стало результатом медленной, но постоянной работы историков, политиков, иных сил, формирующих общественное сознание современной Германии, гарантией от повторения в какой бы то ни было форме нацистского прошлого страны.

Александр Борозняк приглашает читателя к размышлению о непростом прошлом Германии, показывает, как трудно и медленно немцы шли к осмыслению корней, проявлений и последствий нацизма.

В связи с тем, что немецкое общество после Второй мировой войны существовало в двух разных идеологиях: социалистической в ГДР и капиталистической в ФРГ, исследователям

дан уникальный шанс сравнить результаты работы с прошлым этих обществ.

В 1950–1960-е гг. среди государственных служащих, судей, политиков ФРГ было немало бывших нацистов. Государственные пенсии, на которые можно было безбедно существовать, получали бывшие гитлеровские чиновники, офицеры и генералы. В Боннской республике формировался идеологический климат, благоприятствовавший идеализации «простого немецкого солдата, честно выполнявшего приказ». На прилавках книжных магазинов появились многочисленные воспоминания немецких генералов, солдатские серийные истории, хорошо продавался роман Хайнца Конзалика «Врач из Сталинграда», на страницах которого немцы, вторгшиеся на советскую землю, представлялись жертвами Красной армии.

В то же время стали появляться и первые «неудобные» для спокойствия бюргеров книги и публикации в немецких журналах: роман Эриха Марии Ремарка «Время жить, время умирать», книга Иоахима Видера «Сталинград и ответственность солдата».

В ГДР же, по словам Александра Борозняка, «поиск научной истины ограничивался рамками жесткой идеологической установки», которая в материалах III съезда СДПГ приняла форму явно преждевременного тезиса, что в ГДР «ликвидированы корни фашизма».

Автор подробно останавливается и на строительстве памятных комплексов на местах бывших концлагерей. Беседуя со многими первыми директорами и сотрудниками мемориалов и музеев, Борозняк пишет об их принципиальной и смелой позиции в отстаивании концепций памятных мест и выставок. Многие годы личной дружбы связывали российского историка с директором музея Дахау Барбарой Дистель.

В книге блестяще выписаны портреты немецких интеллектуалов, своими работами и непримиримой позицией повлиявших

на изучение и переоценку национал-социализма. Это историк Фриц Фишер, воспитавший многих учеников в русле «критической исторической школы»; философы Карл Ясперс и Теодор Адорно, которые, не страшась идти против течения, указывали на опасность забвения нацистской диктатуры; Мартин Брошат, возглавлявший в начале 1970-х гг. Институт современной истории в Мюнхене; Ганс Моммзен, научные сообщения которого на конференциях в российских университетах в 1990-е гг. вызвали неизменный интерес. Военный историк Манфред Мессершмидт монографией «Вермахт в нацистском государстве» положил начало фрайбургской научной школе и вызвал яростное неприятие консервативного крыла западногерманской исторической науки.

Со многими немецкими учеными Александр Борозняк был знаком лично, не один раз встречался и вступал в дискуссии. Большим достоинством книги является изложение взглядов и позиций ученых не только с помощью цитирования их трудов, но и через личное восприятие автором их судеб, внешнего облика, манеры говорить, слушать и слышать собеседника.

Во второй части книги анализируются новые темы, поднимаемые в немецких и российских исследованиях. Это и развенчание мифа о «геройской» 6-й армии Паулюса¹, и публикация «Писем из Сталинграда»², и дискуссия о тоталитаризме, развернувшаяся после выхода на русском языке книги Ханны Арендт³.

В начале XXI в. «проблематика Третьего рейха остается главной в структуре исторической науки и исторического сознания ФРГ», отмечает Борозняк. Общественное сознание ФРГ постоянно будоражит: по всей Германии демонстрируется выставка «Преступления вермахта», перевернувшая представления о «чистом вермахте»; реализуется общественная инициатива «Камни преткновения» или проходит дискуссия о выплате компенсаций бывшим узникам концлагерей. Появляются новые книги немецких

исследователей. Например, «Народное государство Гитлера: Грабеж, расовая война и национальный социализм» Гётца Али⁴, коллективный труд о немецких дипломатах в годы Третьего рейха⁵.

Особое внимание в своей книге Александр Борозняк уделяет проблематике общественно-гражданского просвещения, в первую очередь среди представителей молодого поколения, распространению знаний о диктаторском режиме Гитлера, о трагедии Холокоста, об агрессивной внешней политике режима, прежде всего о преступной войне против Советского Союза, о немецком движении Сопротивления в его органическом разнообразии.

Один из сюжетов книги обращен к современной российской учительской аудитории. Речь идет о школьных сочинениях по истории, которые были инициированы президентом ФРГ Густавом Хайнеманом в 1973 г. и отличались актуальностью и самостоятельными выводами школьников. Александр Борозняк отмечает, что эти школьные сочинения «стали существенным дополнением к корпусу профессиональных исследований, в известной мере вызовом, обращенным к научному сообществу».

Посвятив книгу своему отцу, погибшему в августе 1941 г. в боях под Киевом, Борозняк отдал личную дань памяти миллионам советских солдат, защищавших Родину, чтобы не выросли «зубы дракона» как в Германии, так и в России. Можно только приветствовать усилия издательства «Альпина Паблишер» переиздать книгу и предложить читателю для вдумчивого, серьезного чтения.

Н. Э. Вашкау,
доктор исторических наук,
профессор Липецкого государственного педагогического
университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

ВВЕДЕНИЕ

НЕПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Память — способность помнить, не забывать прошлого, свойство души хранить, помнить сознание о былом. Память, относительно прошлого, то же, что заключение, догадка и воображение относительно будущего.

Владимир Даль

Прошло около шести десятилетий с тех пор, как в немецкий политический и научный лексикон прочно вошла формула *Bewältigung der Vergangenheit* — словосочетание, не имеющее аналогов в иностранных языках. Русский — достаточно приблизительный — перевод гласит: *преодоление прошлого*. Термин как будто и привычный, но саднящий сознание и совесть граждан Федеративной Республики Германия.

И хотя в этом словосочетании стыдливо отсутствует указание на то, о каком именно прошлом идет речь, каждому немцу ясно: речь идет не об абстрактном далеком «прошлом», но о кровавом времени национал-социалистического господства: раны не заживают, а прошлое «не зарастает травой». Речь идет не о пассивном отражении «прошлого», но о факторах, активно воздействующих на настоящее, о степени укорененности этих

факторов в социальной психологии, менталитете, политической культуре современных немцев.

Особенность проблематики Третьего рейха — проблематики, связанной с самыми трагическими страницами современной истории, состоит в том, что она не может оставить «сдержанным» или «отстраненным» ни ученого, ни читателя его работ. Ученые неизбежно находятся не над историей национал-социализма, но — внутри этой истории. Здесь, говоря словами Бориса Пастернака, «дышат почва и судьба»².

Формула «преодоление прошлого» была порождена нравственными чувствами стыда, вины и ответственности за преступления гитлеризма — в одном ряду с понятиями-символами «тоталитарная диктатура», «агрессия», «Холокост», «Освенцим». Постулат о преодолении прошлого стал для нескольких поколений немцев знаком длительного, многопланового, внутренне противоречивого процесса общенационального извлечения уроков из истории Третьего рейха, призывом к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, к выработке иммунитета по отношению к тоталитарной инфекции, любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризма.

Преодоление прошлого — категория, имеющая прямое отношение к настоящему и будущему немецкого народа. Об этом писал сразу после войны философ Карл Ясперс: «Надежда только на то, что ужас будет осознан... Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению... Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее»³.

Нужен ли России германский опыт извлечения уроков из нацистского прошлого? Безусловно да. Потому что гитлеровцы развязали мировую войну, которая разрубила нашу историю на «до» и «после». Наши потери в этой войне неисчислимы,

как и неисчислимы наш вклад в дело Великой Победы цивилизации над варварством. Германский опыт необходим России, мучительно преодолевающей наследие сталинского тоталитаризма.

В отечественной публицистике давно уже стала общим местом констатация того, что опыт тоталитаризма «преодолен нами в гораздо меньшей степени, чем нашими бывшими противниками»⁴. При этом нередко утверждается, что «Германия после краха национал-социализма грамотно и четко очистилась от своего античеловеческого наследия» и даже, что «послевоенным немцам удалось ухватиться за перо жар-птицы»⁵. При этом не учитывается сложность, неоднозначность преодоления прошлого в послевоенной Германии как процесса, связанного и с переходом к демократии в ФРГ, и с серьезными противоречиями данного перехода.

Термин «преодоление прошлого» ведет свое происхождение с середины 50-х гг. предыдущего века, когда в ФРГ требование расчета с нацистской диктатурой не только не являлось очевидным, но, напротив, противоречило основным тенденциям общественного сознания. Немцы отворачивались от позорных страниц своей истории.

В процессе преодоления прошлого, в процессе, в известном смысле вновь переживаемом каждым вступающим в сознательную жизнь поколением немцев, можно выделить основные аспекты: политический — утверждение в обществе устойчивых антитоталитарных, демократических институтов; юридический — расследование нацистских злодеяний и наказание преступников; этический — укоренение начал национальной вины и национальной ответственности; педагогический — демократическое, антифашистское воспитание в школах и в системе политического образования; творческий — сохранение жестокой памяти о гитлеризме средствами художественной литературы и публицистики, кино и телевидения.

В течение последних полутора десятков лет термин «преодоление прошлого» употребляется в Германии все реже. На смену ему пришла формула *Erinnerungskultur* — культура памяти. Но означает ли это, что задача расчета с нацистским прошлым отошла на второй план? Нет, но она наполнилась новым содержанием. Это особенно важно в связи с процессом смены активных поколений в жизни общества. Обращение молодых людей Германии к страницам прошлого нередко связано с тревогами и сомнениями. 18-летняя школьница, имя которой осталось неизвестным, попыталась выразить их в стихотворной форме:

Почему это касается меня?
Почему я должна скорбеть?
Почему я должна плакать?
Кто они — жертвы войны?
Я их не знаю.
Впереди вся жизнь.
Почему я должна оглядываться назад?
Мертвые предостерегают.
Кого?
Меня?
Но меня тогда не было на свете.
Почему это касается меня?⁶

Видимо, прав историк Гельмут Кёниг: «В ФРГ немало написано и сказано о преодолении прошлого. Никто не сомневается в значимости этой проблемы. Но тем удивительней, что, несмотря на отдельные публикации, до сих пор нет обобщающего труда об истории преодоления прошлого в Федеративной Республике»⁷. Современному публицисту Франку Ширрмахеру принадлежат знаменательные слова: «Следовало бы написать историю тех, кто на протяжении нескольких десятилетий в этой успешной

Федеративной Республике мучился ночными кошмарами, и тех, кто спал спокойным сном»⁸.

Автор предлагаемой на суд читателя книги стремился в меру своих сил восполнить этот пробел и воссоздать объективную картину того, как в германской исторической науке и в германском общественном сознании медленно и трудно утверждался адекватный образ нацистского тоталитарного режима, как через дискуссии и противоречия опровергались и отвергались в ФРГ постулаты историков и публицистов, поставивших перед собой неблагодарную и неосуществимую задачу оправдания гитлеризма или отдельных его проявлений.

Содержание научных исследований о Третьем рейхе, отношение к ним общества — это достаточно четкая проекция ведущих тенденций нескольких десятилетий германской истории. Речь идет об истории работы германской мысли над германской историей, о том, что Лев Толстой именовал «особенной, независимой, сложной и сильной работой чувства и мысли»⁹.

Предметом моего анализа является вклад германской исторической науки в дело преодоления прошлого, но я сознательно выхожу за привычные рамки последовательного разбора научных моделей Третьего рейха и публицистических интерпретаций нацистского режима. Вместе с читателем мы вступаем в сферу эволюции установок массового исторического сознания. Постижение прошлого, понимание его смыслов, уроков и последствий — это предельно трудная задача, которая требует не только основательных исследовательских усилий, но и немалого гражданского мужества — «мужества вопрошания», в необходимости которого был убежден Михаил Гефтер¹⁰.

Мною предпринята попытка зафиксировать меняющиеся формы, в которых общество ФРГ воспроизводит и оценивает образ гитлеровского тоталитарного режима. Задача при этом состоит в том, чтобы постичь систему прямой и обратной связи

между научными трактовками феномена национал-социализма и стереотипами массового сознания, осмыслить, как тяжело шел в Германии процесс, который Василий Гроссман назвал «высвобождением свободы в человеке, то есть очеловечиванием людей, победой жизни над нежизнью»¹¹.

В центре внимания автора находится историческая память немцев второй половины прошлого и начала нынешнего века. Это важнейший компонент коллективного сознания, это идеальная реальность, которая, очевидно, является столь же подлинной и значимой, как реальность событийная. Главным предметом становятся не сами факты прошлого, но тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики. Предлагаемая читателю монография является основательно дополненным и существенно расширенным изданием книги «Искушение»¹², опубликованной полтора десятилетия назад и получившей ряд позитивных откликов в российской и зарубежной научной периодике.

Структура книги, построенной по хронологическому принципу, определяется задачей выявления поворотных моментов в развитии германской историографии нацистской диктатуры, механизма смены парадигм в интерпретации феномена Третьего рейха: от повсеместного стремления установить причины «германской катастрофы» (первые послевоенные годы) через утверждение — в соответствии с логикой холодной войны — формул отказа от прямых оценок нацистского режима и длительному и трудному переходу к осмыслению зла, причиненного гитлеровцами собственному народу и народам Европы. Особое внимание уделено трансформации памяти о нацистском режиме в условиях объединенной Германии и смены современных поколений немцев.

Десятилетиями находясь в конфронтации, ФРГ и ГДР идеологически отвергали друг друга, противостояли на военнополитическом поприще, воспринимали себя как «контрообразы» друг друга. В двух германских послевоенных социумах сложились принципиально различные типы исторической науки. И все же — вопреки взаимным упрекам и разоблачениям, вопреки очевидному влиянию холодной войны на публикации, выходявшие на обоих берегах Эльбы, — можно рассматривать историографию Германской Демократической Республики (прежде всего применительно к изучению нацистской диктатуры) как интегральную часть немецкой исторической мысли второй половины XX в. Общее состояло в первую очередь в том, что история нацистского режима стала генеральной темой двух германских историографий, неотъемлемым компонентом исторического сознания и исторической культуры ГДР и ФРГ. Политическая идентичность двух германских государств базировалась на отмежевании от нацистской диктатуры. Третий рейх стал негативной точкой отсчета и для Федеративной Республики Германии, и для Германской Демократической Республики, которые — каждая по-своему — рассматривали себя как политическую альтернативу нацистской диктатуре: ФРГ как парламентская демократия, а ГДР как антифашистское государство рабочих и крестьян. При этом и Западная Германия, и Восточная Германия без тени сомнения претендовали на то, что их ответы на вызов коричневого рейха являлись единственно возможными и правильными.

«Противостояние Востока и Запада, — отмечал Бернд Фауленбах, — деформировало изучение проблематики нацистского периода, наложив отпечаток на его интерпретацию. В ГДР оценка Третьего рейха была почти исключительно функцией политики, но и в ФРГ политический климат повлиял на трактовку нацистской диктатуры»¹³.

Автор опирался на безусловные достижения отечественной науки, внимательно и неравнодушно изучавшей ситуацию в историографии ФРГ. В течение нескольких десятилетий для российских ученых реконструкция реальной картины эволюции исторической мысли Федеративной Республики была предельно затруднена. В атмосфере холодной войны научное общение оказывалось попросту невозможным. Прямые контакты между историками наших стран практически отсутствовали, а если спорадически и возникали, то взаимные оценки не становились более объективными, напротив — предельно жесткими и предельно упрощенными с обеих сторон. Работы советских авторов были, как правило, запрограммированы на «разоблачение буржуазных фальсификаторов истории». В эпицентре критики порой оказывались маргинальные авторы праворадикального толка, имена которых не заслуживали упоминания, поскольку их влияние в ФРГ было ничтожным. И напротив: принципиально важные труды исследователей либерального направления нередко у нас замалчивались, потому что богатство их содержания противоречило постулату о «кризисе буржуазной историографии».

Ныне заложены основы равноправного и результативного диалога российских и немецких историков, диалога без предвзятости, передержек и оскорбительных ярлыков. Преодолена традиция недоверия, сломана тенденция к добровольной и недобровольной автаркии, сняты взаимные претензии на научную монополию. Нередко мы не согласны с установками коллег из ФРГ, но обе стороны двигаются навстречу друг другу. Не без труда формируются традиции современного российско-германского сотрудничества, и проблематика сохранения и утверждения исторической памяти занимает в этом процессе немалое место. «Только примирение может стать гарантией мира, — предупреждал Лев Копелев. — Но примирения нельзя добиться на пути отказа от памяти. Если дети и внуки прежних противников будут свободны от горьких

воспоминаний, возникнет опасность разрушительных последствий неожиданного всплеска давних предрассудков и исчезнувших образов врага»¹⁴.

Первоначальный опыт совместного обсуждения научных проблем (а порой достаточно острых дебатов) с немецкими коллегами накоплен в последние годы Центром германских исторических исследований Института всеобщей истории Российской академии наук. Объединению интеллектуальных усилий способствует деятельность Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Результативные двусторонние конференции по проблемам истории германского фашизма и Второй мировой войны с участием ведущих российских и немецких ученых состоялись в последние годы в Москве, Санкт-Петербурге, Берлине, Бохуме, Волгограде, Вологде, Воронеже, Гамбурге, Дрездене, Йене, Екатеринбурге, Кемерове, Констанце, Красногорске, Липецке, Мюнхене, Саратове, Светлогорске, Томске, Челябинске, Ярославле...

Может быть, здесь уместнее, точнее не греческое слово «диалог», а замечательное русское слово, которое так любил Лев Толстой, — «сопряжение». Вспомним: после Бородинского сражения, после ночи, проведенной в прифронтовом Можайске, внутренний голос говорит Пьеру Безухову: «Нельзя соединять мысли, а *сопрягать* все эти мысли — вот что нужно!.. Да, *сопрягать* надо, *сопрягать* надо!..»¹⁵

Я бесконечно многим обязан всем, кто, споря и соглашаясь, щедро делясь богатством своего опыта и своих знаний, помог в написании этой книги. Назову прежде всего славные имена моих старших учителей Льва Копелева (1912–1997) и Михаила Гефтера (1918–1995). Их светлый ум, их интеллектуальное мужество проложили новые пути в исследовании прошлого Германии и нашей страны. Не могу обойти вниманием память о безвременно ушедших талантливых российских исследователей истории

Германии, моих близких друзьях Николае Черкасове (1931–1993), Валентине Буханове (1948–1995) и Юрии Галактионове (1949–2005), эрудицию которых и вклад в разработку новых подходов к изучению феномена нацистской диктатуры нельзя забыть.

В течение длительной работы над книгой (да и много-много раньше) я постоянно ощущал дружескую руку помощи профессора Якова Драбкина — старейшины российских ученых-германистов, человека благородной души, автора классических трудов по истории Германии XX в., истории российско-германских отношений, истории международного рабочего движения.

Осуществить замысел предлагаемой на суд читателя книги оказалось бы невозможным без интенсивных и плодотворных контактов с германскими коллегами, без посещений Германии по приглашению ряда немецких университетов, издательств и научных обществ.

Выражаю искреннюю признательность авторитетным российским и немецким исследователям Геннадию Бордюгову, Нине Вашкау, Андрею Zubову*, Виктору Ищенко, Лидии Корневой, Марии Лаптевой, Валерию Михайленко, Борису Хавкину, Аркадию Цфасману, Бернду Бонвечу, Гансу-Ульриху Велеру, Вольфраму Ветте, Гансу Коппи, Гансу Моммзену, Гансу-Генриху Нольте, Иоганнесу Тухелю, Норберту Фраю, Юргену Царуски, Петеру Штайнбаху, Герду Юбершеру.

* Внесен в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. — *Прим. ред.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПАМЯТЬ ИЛИ ЗАБВЕНИЕ?

Германия может извлечь из невыносимой милости
тотального поражения силу, направленную
на тотальное преобразование¹.

АЛЬФРЕД АНДЕРШ

Год 1945, 30 апреля, пять часов пополудни, концлагерь Дахау. Распахнуты лагерные ворота, замолчали пулеметы на вышках, не дымится больше труба крематория, отключен ток высокого напряжения. «Мы свободны!» — кричат на разных европейских языках живые скелеты в полосатых робах... На следующий день, еще до того, как были убраны бесчисленные тела узников, погибших от голода и от эсэсовских пуль, командующий 42-й американской дивизией приказал всем жителям близлежащего баварского городка (по имени которого и было названо место мучений и смерти) построиться в колонны и двигаться по направлению к лагерю, уже бывшему лагерю. Немцы, преодолев несколько рядов колючей проволоки, прошли мимо лагерных бараков, мимо пыточных камер, мимо крематория. Но они не хотели видеть этот ад, они отворачивались и закрывали глаза руками, они уверяли американских офицеров: «Мы ничего не знали о лагере смерти, ничего о нем не слышали».

Граждане Германии отказывались от своей истории. Победа СССР, стран антигитлеровской коалиции побуждала немцев к коренному повороту в жизни общества, к очищению от скверны нацизма, к осмыслению его корней и последствий, к новому обретению человеческих ценностей, затоптанных гитлеровским режимом. Но подавляющее большинство немцев восприняло окончание войны не как освобождение, но как поражение, как национальную катастрофу.

Марта Гельхорн, известная американская журналистка, действовавшая в составе союзного экспедиционного корпуса, передавала впечатления о первых беседах с немцами Рейнской области: «Нацистов здесь нет. Нацисты были в городе в 20 километрах отсюда, там их полно. Это движение надоело нам донельзя. Ах, как мы страдали! Бомбежки. Неделями мы жили в подвале». «Такие песни, — вспоминала Гельхорн, — можно было услышать повсюду. Все говорили одно и то же. Возникал вопрос: каким же образом власть, которую никто не поддерживал, вела эту войну пять с половиной лет?»²

Что ожидало Германию? Существовал ли выход из тупика, о котором, мучаясь и надеясь, писал в 1945 г. Томас Манн: «Германия, с лихорадочно пылающими щеками, пьяная от сокрушительных своих побед, уже готовилась завладеть миром в силу того единственного договора, которому хотела остаться верной, ибо подписала его собственной кровью. Сегодня, теснимая демонами, один глаз прикрывши рукою, другим уставясь в бездну отчаяния, она свертывается все ниже и ниже. Скоро ли она коснется дна пропасти? Скоро ли из мрака последней безнадежности забрезжит луч надежды и — вопреки вере! — свершится чудо?»³

И о том же вопрошал — себя и своих соотечественников — гейдельбергский социолог Альфред Вебер, младший брат прославленного немецкого ученого: «Обретет ли — в нужде и в горе, в оккупированной чужеземцами стране — немецкий народ

духовное величие, необходимое для того, чтобы рассчитаться с самим собой? Выдержит ли он это тяжкое испытание, одно из самых тяжких, какие выпадали на долю великих народов? Одолеет ли свою собственную тень?»⁴ Путь в будущее лежал через понимание трагедии недавнего прошлого, через преодоление прошлого.

«Это не должно повториться!» — такое общее название можно было бы дать книгам первых послевоенных лет о нацистских концлагерях, публикациям, авторами которых были спасенные от неминуемой смерти узники. Особое место в этой скорбной библиотеке занимает книга Ойгена Когона «Государство СС»⁵. Это — не только трагический рассказ о страданиях и гибели заключенных, но прежде всего научный анализ системы гнета, рабского труда и умерщвления миллионов людей. Когон (1903–1987), участник католического Сопротивления, был арестован нацистами в марте 1938 г. и с сентября 1939 г. до апреля 1945 г. был узником Бухенвальда. В 1946 г. он основал один из лучших демократических журналов послевоенной Германии — *Frankfurter Hefte*, был профессором Дармштадтской высшей технической школы. В основу книги Когона легли не только его личные впечатления. В течение нескольких летних и осенних месяцев 1945 г. он изучал архивные материалы Бухенвальда и других концлагерей, предоставленные ему сотрудниками военной администрации США. Рукопись была завершена в декабре 1945 г.

Автор — «как человек, как христианин, как политик» — формулировал свою цель следующим образом: предельно объективно («только голая правда, ничего, кроме правды») рассказать о зле, которое «может принимать такие формы, что перо отказывается писать об этом». Он стремился предостеречь Германию, предостеречь мир от повторения подобных ужасов, познать зло, «чтобы оно оказалось излечимым»⁶.

Когон, хорошо понимавший, что большинство немцев не хочет ничего слушать и слышать о лагерях смерти, стремился все же побудить соотечественников осознать свою вину, задать себе мучительные вопросы: «Как мы дошли до точки падения? Как это стало возможным? Что мы можем сделать, чтобы сохранить свое существование?» Для него Бухенвальд и другие концлагеря были моделью того противоестественного «нового порядка», который нацисты планировали создать в Германии и Европе. Он был убежден в том, что можно, «веря в силу правды, устранить незнание». Он обращался к знанию и к совести: немцы обязаны узнать «свои благородные и свои отталкивающие черты. Не следует страшиться судей, потому что мы сами осудим себя»⁷. Современный исследователь так формулирует цель, которой добивался Когон: «фундаментальный разрыв преемственности с прошлым»⁸. Но его книга представлялась «показателем политического и социального одиночества»⁹ и была надолго забыта в ФРГ. О ней вспомнили только в 1970-х...

* * *

Международный процесс по делу главных немецких военных преступников (ноябрь 1945 — октябрь 1946 г.) стал одним из главных событий XX в. Впервые в истории перед судом предстали злоумышленники, завладевшие государством, сделавшие государство орудием своих преступлений и развязавшие кровопролитную войну. Надежды демократов и антифашистов были неразрывно связаны с деятельностью Международного трибунала.

Репортажи 1945–1946 гг. из Дворца правосудия в Нюрнберге потрясли мировую общественность. «Наша собственная история, — вспоминал впоследствии философ Юрген Хабермас (в 1946 г. ему исполнилось 17 лет), — внезапно озарилась таким светом, в котором изменились все ее существенные аспекты.

Я вдруг увидел, что мы жили в рамках преступной политической системы»¹⁰.

Вопрос о вовлеченности германского народа в злодеяния режима, о его вине и ответственности мучил вернувшегося из эмиграции немецкого романиста Альфреда Дёблина. В выпущенной в 1946 г. (под псевдонимом) брошюре он писал: «Мы достигли главного этапа германской истории. После того, о чем мы узнали, как ответить на вопрос: виноват ли народ? Можно ли простить слабости, леность, приспособленчество? Виновны мы или нет? Должны ли мы сделать выводы из прошлого? Извлечем ли мы для себя выводы, которые следуют из преподанных нам ужасных, необходимых и целительных уроков, превращающих нас в настоящих немцев, в настоящих европейцев?»¹¹

Известный немецкий историк Вальтер Марков, активный участник Сопротивления, отсидевший 10-летний срок в нацистской тюрьме, писал в июне 1946 г.: «В Нюрнберге судят не только нарушителей правовых норм, но и организации, представлявшие большинство политически активной части населения. На скамье подсудимых не национал-социалисты, но — национал-социализм. Мы должны понять, что сделан шаг вперед: от осуждения отдельных злодеев — к осуждению причины зла... Но военные преступления могут быть осуждены только представителями их собственного народа — энергично и безжалостно»¹².

Однако для массы обывателей — их стали именовать «попутчиками» режима (*Mitläufer*) — процесс принес не только страх, но и облегчение. Большинство немцев восприняло окончание войны как поражение, как личную и социальную катастрофу. Для них наказание главных военных преступников было равнозначно тому, что проблемы прошлого уже разрешены. «Нюрнбергские виселицы, — заметил позднее публицист Карл-Хайнц Янссен, — сняли вину с попутчиков»¹³.

Политический обозреватель Эрик Регер так характеризовал доминировавшие в обществе настроения: «С каждым документом обвинения, когда вся шеренга нацистов от Геринга до Кейтеля все чернеет и чернеет, среднестатистический немец становится подобен ясной романтической луне над Гейдельбергским замком... “Вот во что они нас превратили! Если бы мы только знали!” — заливается хор партайгеноссен, которые еще недавно с удовольствием глядели на то, как унижаются и уничтожаются народы всего мира»¹⁴.

Современный читатель получил уникальную возможность понять, насколько широк и парадоксален был спектр суждений германских современников о целях, характере и ходе процесса. В 2006 г. в ФРГ была издана большая подборка личных писем, направленных немецкими гражданами главному обвинителю от США Роберту Джексону. Журналист Генри Бернхард обнаружил эти документы в фонде Джексона в Библиотеке конгресса в Вашингтоне и опубликовал их со своими комментариями¹⁵.

Корреспонденты Джексона представляли практически все поколения, социальные слои и политические течения послевоенной Германии: от крупных чиновников до рабочих, от бывших активистов нацистской партии до освобожденных из концлагерей противников режима.

Бывший узник Бухенвальда призывал Джексона и трибунал «покончить с коричневой чумой». Антифашист, чудом выживший в Освенциме, выражал готовность выступить на процессе в качестве свидетеля убийства 125 тысяч евреев в Риге. Резолюция собрания социал-демократов и коммунистов деревни Ихтерхаузен (Тюрингия) требовала от суда «обращаться с военными преступниками как с массовыми убийцами и вынести им смертные приговоры». Священник из города Швебиш-Гмюнд (Баден-Вюртемберг) призывал Джексона: «Никакой пощады убийцам, они не могут находиться среди людей, которым они принесли столько

горя, нужды, крови и слез». Служащий из Нюрнберга надеялся, что процесс «впервые за тысячу лет может стать началом новой высокой морали». Мать погибшего на войне солдата упрекала обвинителя: «Мне представляется, что вы чересчур мягко обращаетесь с этими бандитами»¹⁶.

Порой ненависть к нацистским преступникам принимала у авторов писем своеобразные формы. Стремление «завершить этот затянутый процесс» сопровождалось сентенциями такого рода: «Нечего возиться с этими разбойниками, с воплощением позора человечества»; «Не нужно никаких юристов или параграфов. Нацистов надо судить по их собственным законам». Или: «Прошу отказать преступникам в юридической защите»; «Для этой банды воров и убийц было бы чересчур большой честью пользоваться услугами адвокатов»¹⁷. И даже: «У меня только одно желание: стать палачом, но только не при гильотине или виселице. Нет, только с топором в руках!»¹⁸

Но рядовые немцы и слышать не хотели о национальной вине и национальной ответственности. Только в одном из сотни опубликованных писем Джексону содержалось согласие с тезисом об ответственности немецкого народа за совершенные преступления¹⁹. «О совиновности немецкого народа не может быть и речи», — уверял Джексона некий чиновник, причислявший себя к «находившимся под давлением номинальным членам партии». Он утверждал (запасшись соответствующими документами), что постоянно помогал пленным. Так это или не так — кто знает? Но характерна концовка письма: «Мы обещаем быть послушными и верноподданными». Другой корреспондент: «С нацистами у меня нет ничего общего. Я был только кассиром и собирал ежемесячные партийные взносы». Или: «Я вступил в партию исключительно из идеалистических побуждений»²⁰.

Знали ли рядовые немцы о преступлениях нацистов? Типичны утверждения такого рода: «Мы ничего не ведали,

и большинство немцев не понимает, как все это могло случиться и насколько ужасными могли быть эти “фюреры”; «Мы не знали о насилии по отношению к евреям и о том, что творилось в лагерях»²¹.

Многие корреспонденты убеждали Джексона в том, что пора прекратить «оскорблять немцев и клеветать на них», требуя «христианского сочувствия к невинным жертвам бомбардировок». Нередко тональность писем «вечно вчерашних» становилась явно агрессивной: «В страданиях и бедах нашего народа виновны прежде всего союзники»; «США, объединившись с Англией, совершили самые ужасные преступления в мировой истории». Главными злодеями провозглашались русские и «демократически-капиталистическая еврейская банда, которая несет ответственность за несчастья всего мира»²². Нацистская идеология отнюдь не прекратила своего существования.

Стремление обелить пособников режима нередко перерастало в прямую апологию режима: «Решение еврейской проблемы являлось внутренним делом Германии»; «При Гитлере истреблялись только неисправимые элементы»; «Мероприятия нацистов все же были успешными». И даже: «На скамье подсудимых — самые способные люди, которые в 1933–1943 гг. добились невозможного». Но только в одном из обращений к Джексону выдвигалось требование оправдать конкретного подсудимого, именно Гесса. Аргументация: он был «неплохим человеком», «его руки чисты»²³.

В нескольких письмах содержался неожиданный и бесцеремонный вывод: именно тем, кого судит трибунал, следует поручить разработать и осуществить план восстановления Европы. Столь же наглым было требование: «Возвратите нам империю в ее прежнем виде! Отдайте нам отобранные у нас колонии или предоставьте взамен равноценные территории! Позвольте нам вернуть себе место под солнцем!»²⁴

Подобные установки стали возможными только в обстановке начавшейся холодной войны. Чем дальше от весны 1946 г., от мартовской речи Уинстона Черчилля в Фултоне, тем чаще в письмах возникали прямые требования прекратить «односторонний» или «инсценированный» процесс над «так называемыми военными преступниками». Настал час шантажа со стороны приверженцев рейха. В обращениях к американскому обвинителю все чаще и чаще возникали прямые угрозы: «Германия еще проснется»; «Мы не дремлем! Мы наблюдаем за всем, что происходит»; «Национал-социализм невозможно ни искоренить, ни уничтожить»²⁵.

И вот уже легли на бумагу (сентябрь 1946 г., до вынесения приговора осталось две недели!) слова о возможности союза Соединенных Штатов с бывшим противником: «Закройте свои уши от пения сирен, взывающих к мести!»; «У Америки еще есть время для того, чтобы привлечь немцев на свою сторону. Те, кого американцы и англичане обвиняют в Нюрнберге, смогут еще пригодиться: ведь войны между Востоком и Западом рано или поздно все равно не удастся избежать»²⁶.

Наверное, самой массивной и самой циничной была атака на принципы Нюрнберга, предпринятая для реабилитации военной верхушки рейха. У истоков этой кампании находился меморандум группы немецких генералов, направленный Международному военному трибуналу 19 ноября 1945 г., т.е. за день до начала процесса. Документ был обнаружен в государственном архиве Нюрнберга Манфредом Мессершмидтом. Авторы меморандума — нацистские военачальники, активно участвовавшие в планировании и осуществлении захватнической войны против Советского Союза: бывший главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич, бывший командующий 11-й армией, затем группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал фон Манштейн, бывший начальник генерального штаба

сухопутных войск генерал Гальдер, бывший заместитель начальника штаба оперативного отдела верховного командования вермахта генерал Варлимонт.

В указанном документе, отмечает Мессершмидт, была заложена схема «безоговорочной фальсификации» истории войны. Стремясь снять с себя ответственность за план «Барбаросса», высшие военачальники вермахта утверждали, что они якобы были «обескуражены» приказом Гитлера начать войну против СССР и будто бы «ни в коем случае не одобряли» этого решения.

Сравнивая утверждения генералов с составленными и подписанными ими в начале 1941 г. оперативными документами по плану «Барбаросса», Мессершмидт доказал абсолютную несостоятельность положений меморандума. Автор аргументированно отвергает версию о том, что генералы верили в нападение СССР на рейх, чтобы «упредить германское наступление»²⁷. Телфорд Тейлор, один из американских обвинителей на Нюрнбергском процессе, тогда же пришел к обоснованному выводу: в документе, подписанном нацистскими генералами, содержатся «зародыши будущих мифов и легенд», которые будут направлены на реабилитацию вермахта²⁸.

И все же, подчеркивает Норберт Фрай, Нюрнбергский процесс «дал, по меньшей мере, сигнал, глобальный сигнал к тому, что мировое сообщество в будущем больше не станет обращаться с бесправием такого масштаба в традициях Вестфальского мира, а именно “прощено и забыто”, что начинаются поиски нового начала»²⁹.

* * *

Имя Карла Ясперса (1883–1969), одного из духовных лидеров Германии, крупнейшего философа XX в., широко известно на его родине и далеко за ее пределами. В 1901 г. Ясперс поступил на юридический факультет Гейдельбергского университета,

но после трех семестров перешел на медицинский факультет, который и окончил, став в 1909 г. доктором медицины и сотрудником психиатрической клиники, а в 1913 г. — доктором психологии. Но в 1922 г. он, решительно сменив вектор научной деятельности, занимает место ординарного профессора философии своей *alma mater*.

В трудах, получивших широкое распространение в период Веймарской республики, Ясперс настаивал на том, что философия не может быть чисто научным знанием, что она не может отвлечься от реального человека, от его «фактической действительности во времени», от болевых точек эпохи. Человек и история стали для него изначальным измерением человеческого бытия. Ясперс многократно писал о решающем влиянии на его творчество идей Макса Вебера, своими учителями он называл также Бенедикта Спинозу, Сёрена Кьеркегора, Фридриха Ницше, Федора Достоевского. Учениками Ясперса были известные впоследствии представители немецкой и международной интеллектуальной элиты — Ханна Арендт, Голо Манн, Дольф Штернбергер.

Ясперс многим был обязан Максу Веберу, и не только научной ориентацией, методологическими подходами к анализу научных проблем, но и неизбывным интересом к политике. Он следовал за Вебером при анализе взаимодействия этики и политики, выступая, как и Вебер в 1918 г., против политики, которая «спутывается с дьявольскими силами»³⁰.

Идеи ученого никак не соответствовали постулатам национал-социализма, он решительно разошелся со своим другом Мартином Хайдеггером, поддержавшим (хотя бы и временно) режим и ставшим ректором Фрайбургского университета. В годы гитлеризма Ясперс пережил и насильственное отлучение от преподавания, и чувство смертельной тревоги за судьбу жены и за свою судьбу: он был женат на еврейке и каждый день ждал ее депортации. Фашисты заставляли ученого развестись

с женой, но натолкнулись на твердый отказ. Запись в дневнике Ясперса от 2 мая 1942 г. гласит: «И если я не смогу с оружием в руках спасти жизнь Гертруды, я должен буду умереть»³¹. Имелись достоверные сведения, что отправка на смерть еще оставшихся в Гейдельберге евреев назначена на 14 апреля 1945 г., но 30 марта в город вошли американские войска.

Фамилия Ясперса значилась в «белом списке» противников нацизма, ему вернули права ординарного профессора и ввели в состав руководящих органов вновь открытого университета. Ясперс вместе с Альфредом Вебером стал издателем журнала *Die Wandlung* («Преображение»).

Все, что было выстрадано, но оставалось невысказанным, о чем он думал долгими ночами, ожидая смерти, — все это нашло яркое и предельно убедительное выражение в его лекционном курсе «Проблема вины», прочитанном зимой 1945/46 учебного года в нетопленной *auditorium maximum* Гейдельбергского университета и тогда же изданном отдельной книгой³². Дольф Штернбергер вспоминал: «Это был другой Ясперс, покончивший с вынужденной скрытностью, с вакуумом, в котором он пребывал». Теперь философ, по его собственным словам, «стремился действовать», «идти на улицу», обращаться к немцам, находящимся «вне системы власти», «принадлежать к сообществу независимых мыслителей, которые ответственны лишь за то, чтобы говорить правду»³³.

«Я как немец среди немцев, — говорил он, — хочу способствовать ясности и единодушию, а как человек среди людей участвовать в наших поисках истины». Главным для будущего Германии Ясперс считал процесс национального самоосмысления и национальной самокритики. На первый план в рассуждениях ученого выходила проблема вины — вины и ответственности каждого. «Требование переплавиться, возродиться, отбросить все пагубное, — говорил он, — это задача для народа в виде задачи для каждого в отдельности»³⁴.

Великий знаток человеческих душ прекрасно понимал, что его призывы непопулярны, но все же настаивал на своем, на необходимости интенсивных поисков истины и справедливости: «Горизонт сузился. Люди не хотят слышать о вине, о прошлом, их не заботит мировая история. Они хотят просто перестать страдать, хотят выкарабкаться из нищеты, хотят жить, а не размышлять. Настроение скорее такое, словно после столь страшных страданий следовало бы ждать вознаграждения, на худой конец утешения, но уж никак не взваливать на себя еще и вину»³⁵.

В пограничной ситуации, в которой находилось социальное сознание немецкого народа, Ясперс пытался убедить сограждан в «правомерности и правдивости» Нюрнбергского процесса: «Национальный позор состоит не в суде, а в том, что к нему привело, в самом факте этого режима и его действий. Сознание национального позора для немца неизбежно. Оно направлено не в ту сторону, если обращено к этому процессу, а не к его истоку»³⁶.

Наряду с политической и уголовной ответственностью за содеянное зло Ясперс придавал особое значение моральной ответственности каждого немца: «Нельзя просто сослаться на то, что “приказ есть приказ”. Поскольку преступления остаются преступлениями и тогда, когда они совершены по приказу (хотя в зависимости от степени опасности, принуждения и террора возможны смягчающие обстоятельства), каждое действие подлежит и моральной оценке. Инстанцией являются собственная совесть, а также общение с другом и близким, любящим человеком, которому не безразлична моя душа»³⁷.

Сила Ясперса — в обращении к индивидуальной ответственности, к индивидуальному миру человека. Философ призывал современников к диалогу, к национальному согласию, к преодолению барьеров предвзятости и недоверия, к воспитанию умения «мысленно становиться на точку зрения другого», «пробиться

друг к другу, говорить друг с другом, попытаться убедить друг друга». Только так, подчеркивал он, «мы создадим необходимую основу для того, чтобы говорить с другими народами»³⁸. Не звучат ли актуально для нас выстраданные сентенции немецкого политического моралиста?

Анализ путей преодоления наследия Третьего рейха Ясперс продолжил в книге «Истоки истории и ее цель», выпущенной в 1949 г. Опыт истории Германии нацистского периода, по мнению философа, подтверждает то, что цивилизация является лишь «тонкой оболочкой над кратером вулкана», и может случиться так, что «оболочка будет сброшена», а человечество незаметно для себя вступит в «царство черной злобы, не знающей гуманности»... «Человек — в условиях террористических политических режимов — может превратиться в нечто такое, о чем мы и не подозреваем... Террор овладевает всеми настолько, что те, кто не желает быть причастным ему, становятся терроризированными террористами, убивают, чтобы не быть убитыми самим». Практика концлагерей показала: «человека можно уничтожить и тогда, когда физически он еще продолжает жить»³⁹.

И хотя Ясперс стремился к тому, чтобы «как можно осмелее выразить самые радикальные идеи»⁴⁰, в умах его слушателей преобладало все же «нежелание знать», «стремление забыть», что и было ведущей тенденцией в германском сознании первых послевоенных лет. Биограф Ясперса приходит к выводу, что выступления философа остались «монологами», что его надежды на «взлет мысли», на создание «нового государства» оказались неустойчивыми⁴¹.

Осенью 1946 г. Ясперс сообщал Ханне Арендт: «Мне трудно читать лекции, когда я вижу перед собой враждебные лица. Только после 1937 года я ощущал такое настроение в аудитории, как сегодня». Ясперс был уверен, что в отношении к нему студентов преобладали «пренебрежение и недоверие»⁴². Поэтому Ясперс

вынужден был перебраться в Швейцарию (в Гейдельберге он прожил 42 года), приняв приглашение Базельского университета.

В январе 1946 г. студенты Эрлангенского университета с возмущением, топаньем и выкриками встретили выступление антифашиста, широко известного деятеля евангелической церкви пастора Мартина Нимёллера. Полное неприятие аудитории вызвали его слова: «В Германии немало причитают по поводу нашей нищеты и нашего голода, но я не слышал, чтобы кто-нибудь говорил — в церкви или в других аудиториях — об ужасных страданиях, которые мы, немцы, причинили другим народам, о том, что происходило в Польше, об уничтожении населения в России, о 5,6 миллиона убитых евреев»⁴³.

* * *

«Германская катастрофа» — под таким названием через год после окончания войны вышло известное сочинение классика немецкой исторической науки, исследователя либеральной ориентации Фридриха Майнеке (1862–1954)⁴⁴. Внимательное изучение этой работы опровергает сложившееся в советской историографии мнение о «Германской катастрофе» едва ли не как об апологии империализма. (Существует, замечу, немалая разница между сегодняшним непредвзятым восприятием «Германской катастрофы» и чтением глазами историка, вольно или невольно вовлеченного в идеологическое противостояние холодной войны.)

«Нестор» германской историографии (в год выхода книги ему исполнилось 84 года), отстраненный гитлеровцами от преподавательской и редакторской деятельности, выступил как бескомпромиссный противник и обвинитель нацистского режима. Третий рейх явился, по оценке автора, «величайшим несчастьем для Германии», несшим в себе «угрозу вырождения немцев». В книге можно отыскать немало фрагментов, сводящих трактовку фашизма к проявлению «сатанинского принципа всемирной